

Анна Михаловска-Мычельска
(Варшавский университет, Варшава, Польша)

Доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Варшавский университет

E-mail: a.michalowska@uw.edu.pl

ID ORCID: 0000-0002-7007-5767

Евреи как «неприкаянные» в Речи Посполитой XVII–XVIII вв.: очерк исследовательской проблематики

Аннотация: Статья посвящена группе еврейских бродяг, находящихся вне пределов общинных структур. Значительная часть этой группы состояла из образованных людей, не имеющих постоянных должностей в общинах. В еврейских источниках нет конкретных терминов для обозначения этих людей, но их существование вызвало множество религиозных и социальных проблем. Еврейские общинные и над-общинные постановления часто распространялись на бродячих нищих, проповедников и торговцев и были связаны с попытками контролировать их.

Ключевые слова: «Неприкаянные» евреи, Речь Посполитая XVII–XVIII вв., еврейские общины, еврейские сеймы

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.3.1

Мои размышления о группе «неприкаянных» людей в еврейской общине Речи Посполитой XVII–XVIII вв. в значительной мере обусловлены предыдущими исследованиями. Изучая институты еврейского самоуправления на локальном (общины) и центральном (еврейские сеймы) уровнях, я убедилась, что невозможно описать еврейскую общину исключительно сквозь призму работы этих институтов, а также, что существует значительная группа евреев, которые «ускользают» от этих институтов и функционируют за пределами общинных структур¹.

Рассматриваемая группа похожа на старопольскую категорию «праздношатающихся» людей, описанную, в частности, еще в «классических» работах Нины Ассородобрай [Assorodobraj 1946, 1966], Богдана Барановского [Baranowski 1986], Мирослава Франчича [Frančić 1967], Станислава Гродзиского [Grodziski 1961].

¹ Этот текст опубликован на польском языке в [Żydzi 2017].

«Праздношатающиеся» люди представляли собой мобильную группу, часто с изменчивой или неопределенной сословной принадлежностью, а нередко и с неясным религиозным статусом. В старопольских источниках этих людей называли по-латыни «*tustici vagi*», «*vagabundae*», «*vagantes*» или «*laici*», а по-польски – «*luźni*», «*swawolnicy*», «*hultaje*», «*biegunowie*», «*tułacze*» или «*ludzie przychodni*».

Если говорить обобщенно, то это были люди без имущества, не имевшие постоянного места жительства и постоянного источника дохода. Ряды этой группы пополнялись за счет беглых крестьян (историография 1950–1960-х гг. выдвигала на первый план прежде всего данную категорию «праздношатающихся» людей), а также дезертиров из армии, обедневших мещан или шляхтичей (последние преобладали в Мазовии).

К группе «праздношатающихся» людей принадлежали те, кто брался за разные временные работы (например, носильщики, сплавщики леса, поденщики), а также домашняя прислуга и подмастерья, перемещающиеся за заработком, бродячие торговцы и ремесленники, бродячие «артисты» (уличные музыканты, жонглеры, прыгуны, поводыри медведей), нищие и проститутки (профессиональные и случайные), действительные или фальшивые паломники, продавцы реликвий и мелких предметов религиозного культа, а также разнообразные мошенники и воры. При этом для «праздношатающихся» людей характерной была частая смена работодателей и рода выполняемых работ. К тому же они нередко совмещали временную работу с нищенством и воровством.

Исследователи данного явления подчеркивают, что если «праздношатающиеся» люди действительно нашли свое место в экономической системе в качестве многочисленных наемных работников, в которых нуждались города и села, то в правовом и бытовом отношении они выпадали из общественной структуры [Assorodobraj 1966, 133]. Многие юридические нормы – решения шляхетских сеймов и сеймиков, доминиальные или городские распоряжения – боролись с явлением «праздношатания», поскольку, в частности, оно могло быть связано с преступностью [Kamler 2010].

Попытки определить число «праздношатающихся» людей в Речи Посполитой сталкиваются с определенными трудностями, а сама специфика данного явления требует осторожности. Приблизительные цифры возможно установить лишь для конца XVIII в., когда власти Речи Посполитой пытаются распознать и ограничить бродяжничество и нищенство (деятельность Военно-гражданских комиссий). Согласно подсчетам Нины Ассородобрай, сделанным на основании люстрации Воеводских комиссий за 1790 г., в Великопольше «праздношатающиеся за работой ходящие» и нищие составляли 3,2% всего населения, а вместе с челядью и служивыми – 9,7%; в Малопольше их число соответственно равнялось 1,4% и 3,3%. В Варшаве в 1792 г. насчитывалось 7,6% людей «без средств для жизни», а в Праге (в правобережном предместье Варшавы) их число достигало 15,7%.

В Кракове в 1790 г. количество «праздношатающихся» и служилых людей превышало третью часть населения [Assorodobraj 1966, 43–45].

Здесь возникают вопросы: можно ли использовать эту категорию по отношению к еврейскому населению? Можно ли действительно говорить о группе «неприкаянных» евреев?

В старопольской прослойке «праздношатающихся» людей, несомненно, есть евреи, но следует задуматься, выделяли ли тогда евреи такую группу. В еврейских источниках (ни на иврите, ни на идише) не встречаются аналоги латинских или польских названий для определения «праздношатающихся» людей. Вероятно, причиной тому была высокая мобильность еврейского населения, в силу чего факт постоянного перемещения не являлся здесь отличительным признаком. Причина также могла крыться в специфическом восприятии гражданства и принадлежности к общине, вследствие чего каждый еврей был связан, по крайней мере, теоретически, с каким-то местом, даже если он много лет странствовал².

Все же, несмотря на отсутствие специфических еврейских терминов для определения «неприкаянных» евреев, выделение этой группы в научных исследованиях, по моему убеждению, обосновано, поскольку в постановлениях общинных органов власти и еврейских ваадов появляется ряд общественно-религиозных проблем, связанных с этой группой. Именно в источниках нормативного характера группа «неприкаянных» евреев весьма заметна.

Институции еврейского самоуправления, как общинные, так и центральные (Ваад четырех земель и Литовский ваад), старались контролировать «неприкаянных» евреев, особенно странствующих нищих. Многие авторы подчеркивают, что бродяжничество и нищенство было среди евреев очень распространено. Согласно Тадеушу Чацкому, в начале 90-х гг. XVIII в. в Речи Посполитой было как минимум 81 000 бродяг и нищих, что составляло около 9–10% всего еврейского населения [Goldberg 2012a, 190–191].

Руководство общины контролировало ее членов и прибывающих приезжих, предоставляя разнообразные разрешения или концессии (иврит קרית). Членство в общине, называемое также поселенческая *хазака* (иврит חזקה קהילתי), давало политические права: право избирать и быть избранным в общинное правление, свободу хозяйственной деятельности и возможность исполнять определенные почетные функции, например, быть вызванным для чтения Торы. Дети, родители которых были членами общины, получали членство в момент заключения брака. Членство могли также пытаться получить лица, родившиеся за пределами общины. Чаше

² Об этом, в частности, свидетельствуют показания арестованных и допрашиваемых в маршалковском суде в Варшаве, указывавших местности, из которых они происходили, хотя они могли в течение многих лет отсутствовать в данной местности [Turska 1961].

всего это были женихи и невесты, которые после брака хотели поселиться в общине одного из супругов. Право проживания на территории общины закреплялось также временными соглашениями, которые заключались с руководством общины. Такие соглашения предоставляли жителям других общин возможность проживать и вести дела в данной общине, прежде всего взамен за внесение оплаты за период, на который распространялся договор. При этом те, кто не являлись жителями и не заключили с руководством общины соответствующего договора, считались гостями. Руководство общины стремилось ограничить их наплыв, обосновывая это охраной интересов ее членов. Время пребывания гостей ограничивалось, чаще всего, несколькими днями в квартал или полугодие, а членам общины, которые давали приют «нелегальным» приезжим, грозило наказание³.

Для того чтобы собирать милостыню в общинах, необходимо было также иметь соответствующее разрешение. Распоряжения общинных властей определяли, сколько времени нищие могут пребывать в данной общине. Такая регламентация преследовала цель уменьшить расходы из благотворительных фондов, резервируя их прежде всего для местных нуждающихся. Несмотря на подчеркивание необходимости оказывать поддержку каждому еврею, власти общины понимали, что благотворительные фонды ограничены. Это весьма специфическая ситуация: очевидно, что общины чувствовали себя обязанными помогать не только «своим» нищим, но и значительной группе бедных евреев. Противоречие между этой обязанностью и финансовыми реалиями влекло за собой удаление нищих со своей территории и вывоз их в другие места, для чего иногда арендовались телеги. Случалось также, что на еврейских сеймиках и сеймах общины предостерегали соседние общины от присылки им нищих или объявляли, что по причине обеднения чужие бедняки не могут на что-либо рассчитывать [Michałowska 2000b]. Таких манипуляций мы не наблюдаем в отношении нищих в христианском обществе.

Возможно, специфическое понимание благотворительности среди евреев возникало также из осознания того, что жизненные условия могут подтолкнуть еврейских нищих, соблазненных перспективой улучшить свою судьбу, к принятию христианства. Как отмечает Якуб Гольдберг, значительная часть выкрестов пополнялась как раз из группы «неприкаянных» людей [Goldberg 2012, 190].

Общинные и надобщинные постановления обнаруживают также связанные с группой «неприкаянных» евреев опасения, касающиеся нарушения еврейского права и традиционной модели еврейской жизни. Сейм литовских евреев упоминал странствующих нищих-мошенников, которые надевали не положенную им одежду раввинов и чужой талес, чтобы произносить пуб-

³ О контролировании жителей и приезжих властями общины см. [Michałowska 2000a].

личные проповеди и издавать постановления по религиозным вопросам. К тому же многие из них совершают разные проступки, останавливаясь для отдыха в публичных домах и корчмах. Поэтому приказывалось не предоставлять нищим ничего кроме транспорта и не принимать их у себя дома более суток. Остерегали также от мошенников, которые странствуют из города в город и собирают средства на путешествие в Землю Израиля, но не намереваются туда ехать. Рекомендовали конфисковать имеющиеся у них документы, призывающие оказывать им помощь, а также пожертвования, собранные при помощи таких документов [Michałowska-Mycielska 2014, 160].

Особенно контролировалось проповедничество с целью ограничения конкуренции странствующих проповедников с местными, которым община предоставляла работу. Подозрительность к таким странникам в значительной степени была вызвана опасением перед распространением еретических взглядов, особенно в период мессианских движений⁴. Во время заседания Сейма литовских евреев в 1667 г. записано, что много проповедников-самозванцев странствуют и читают проповеди в синагогах и других местах, открыто критикуя, наставляя и поучая. Запрещалось читать проповеди без согласия властей местных общин, приказывалось также ограничить предоставление странствующим проповедникам талонов на питание [Michałowska-Mycielska 2014, 152–153].

Вместе с тем, в отношении странствующих торговцев появлялись сомнения, соответствуют ли предлагаемые ими товары еврейскому законодательству. В основном это касалось продовольствия, а также тканей и нитей, на которые распространялся запрет соединять волокна льна, конопли и шерсти при пошиве одежды (טורט). Кроме того, рекомендовалось проявлять осторожность в отношении продавцов филактерий и мезуз.

Следующая трудность при определении группы «неприкаянных» евреев проистекает из специфического состава этой группы. «Праздношатающиеся» люди в старопольском обществе в значительной мере идентифицировались с его маргинализированной частью. Частично это верно и по отношению к евреям, хотя здесь мы имеем значительную группу образованных людей. У них не было постоянной работы, они лишь странствовали из общины в общину, живя за счет временной работы, а именно: чтения проповедей, лечения больных, совершения ритуального убоя скота, выполнения функций канторов, писарей и учителей для детей. Существование довольно большой группы таких людей было связано с «перепроизводством» образованных людей, которые не имели шансов найти постоянные должности в общинах [Michałowska 2005]. Странствовали также студенты, перемещаясь от ешивы к ешиве.

⁴ О мессианских кампаниях, самые крупные из которых приходились на 1696 г. и на 1720-е гг., и о странствующих проповедниках, проводивших мессианскую агитацию, пишет Ян Доктур [Doktór 2012].

Примером нищего – «интеллектуала», странствующего по Великопольше, является философ и мемуарист XVIII в. Соломон Маймон, имевший хорошее образование и квалификации раввина. В воспоминаниях он описал товарища по своим скитаниям – необразованного «профессионального» еврейского нищего⁵.

Можно констатировать, что среди евреев была группа «праздношатающихся» людей, однако «традиционные» отличительные признаки «праздношатающихся», используемые для описания старопольского общества, невозможно использовать для выделения этой группы. Первой отличительной чертой «праздношатающихся» людей является «выпадение» из сословных структур, что в отношении большинства «неприкаянных» евреев недействительно. Они происходят из еврейского общества и в дальнейшем связывают с ним свое существование. Второй критерий «праздношатающихся» людей – быть «человеком дороги» – тоже не является достаточным отличительным свойством. Как отмечает Якуб Гольдберг, евреи, наряду со шляхтой, составляли самую мобильную группу в обществе Речи Посполитой. Путешествия были связаны с ведением торговли, выполнением функций *штадлана*, или свата, с отправлением на обучение в ешивы, а также в XVIII в. – с паломничеством сторонников хасидизма [Goldberg 2012b]. Следовательно, ни одно из указанных отличий невозможно использовать для определения этой группы.

Представляется, что принадлежность к «неприкайным» евреям определяет иной фактор, а именно функционирование за пределами структур общины, в связи с чем возникает вопрос: когда отдельный человек начинает быть «неприкайным», и когда его связь с общиной можно считать достаточно ослабленной или разорванной.

Определяя «неприкайность» как более или менее ослабленную связь с общиной, мы должны немного иначе посмотреть на группу «неприкайных» евреев. С этой точки зрения, в ряды данной группы можно включить многих сельских арендаторов, которые как таковые не были странствующими людьми. Однако «ускользая» из-под контроля общин, они вызывали подозрения относительно выполнения основ еврейского права (например, употребление кошерной пищи, запрет на работу в шабат, участие в богослужениях в синагогах) и ведения полноценной еврейской жизни. Парадоксально, но такой сельский арендатор мог быть более «неприкайным», чем странствующий нищий.

Перевод Романа Романцова

⁵ Соломон Маймон так написал в воспоминаниях о своем попутчике: «Несмотря на все эти несходства, я, странствуя по чужой земле, разумно старался крепко держаться напарника, чтобы не умереть с голоду. По пути я знакомил своего товарища с началами религии и истинной нравственности, а он обучал меня искусству нищенствовать, то есть жалостно лепетать, умоляя о помощи, и осыпать страшными проклятиями тех, кто отказывает в подаении» [Majmon 2007] (цит. по: [Маймон 2016] – *Ред.*).

Источники

- Маймон 2016 – *Маймон С.* Автобиография / Пер. с нем., ред., предисл., коммент. С. Якерсона. М., 2016.
- Majmon 2007 – *Majmon S.* Autobiografia. Warszawa, 2007. T. 1.

Литература / References

- Assorodobraj 1946, 1966 – *Assorodobraj N.* Początki klasy robotniczej. Problem rąk roboczych w przemyśle polskim epoki stanisławowskiej. Warszawa, 1946, 1966.
- Baranowski 1986 – *Baranowski B.* Ludzie gościńca w XVII–XVIII w. Łódź, 1986.
- Doktór 2012 – *Doktór J.* Misjonarze i żydzi w czasach mesjańskiej zawieruchy 1648–1792. Warszawa, 2012. S. 115–116.
- Frančić 1967 – *Frančić M.* Ludzie luźni w osiemnastowiecznym Krakowie. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967.
- Goldberg 2012a – *Goldberg J.* Bieda oraz dobroczynność Żydów polskich w dawnej Rzeczypospolitej // *Goldberg J.* Żydzi w społeczeństwie, gospodarce i kulturze Rzeczypospolitej szlacheckiej. Kraków, 2012.
- Goldberg 2012b – *Goldberg J.* Żydzi polscy na gościńcach krajowych i obcych w XVII–XVIII wieku // *Goldberg J.* Żydzi w społeczeństwie, gospodarce i kulturze Rzeczypospolitej szlacheckiej. Kraków, 2012. S. 77–92.
- Grodziski 1961 – *Grodziski S.* Ludzie luźni. Studium z historii państwa i prawa polskiego. Kraków, 1961.
- Kamler 2010 – *Kamler M.* Złoczyńcy. Przestępczość w Koronie w drugiej połowie XVI i w pierwszej połowie XVII wieku (w świetle ksiąg sądowych miejskich). Warszawa, 2010.
- Michałowska 2000a – *Michałowska A.* Swoi i obcy. Zarządzenia o obywatelstwie w gminach żydowskich w Poznaniu i Swarzędzu (od połowy XVII do XVIII wieku) // *Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich.* T. 2: Materiały z konferencji. Kraków 24–26. XI. 1998. Kraków, 2000. S. 63–71.
- Michałowska 2000b – *Michałowska A.* Między demokracją a oligarchią. Władze gmin żydowskich w Poznaniu i Swarzędzu (od połowy XVII do końca XVIII wieku). Warszawa, 2000. S. 233.
- Michałowska 2005 – *Michałowska A.* Elity w gminach żydowskich Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku // *Przegląd Historyczny.* T. 46. 2005. № 2. S. 258–259.
- Michałowska-Mycielska 2014 – *Michałowska-Mycielska A.* Sejm Żydów litewskich (1623–1764). Warszawa, 2014.
- Turska 1961 – Z rontem marszałkowskim przez Warszawę (Zeznania oskarżonych z lat 1787–1794 / Opr. Z. Turska. Warszawa, 1961.
- Żydzi 2017 – *Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich.* T. VI / Red. S. Gąsiorowski i M. Ruta. Kraków, 2017. S. 33–38.

Jewish Vagrants in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Seventeenth–Eighteenth Centuries. An Outline

Anna Michalowska-Mycielska (University of Warsaw, Poland)

Dr hab., Professor, Institute of History, University of Warsaw

E-mail: a.michalowska@uw.edu.pl

ID ORCID: 0000-0002-7007-5767

Abstract: The article presents the group of Jewish vagrants living outside the communal structures. A large part of this group consisted of educated people without regular positions in their communities. Although Jewish sources do not contain specific terms for these people, their existence caused many religious and social problems for the communal leadership, which had deal with wandering beggars, preachers and merchants, and attempted to keep them under control.

Keywords: Jewish Vagrants, Polish-Lithuanian Commonwealth, Jewish Communities, Jewish Councils

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.3.1